

Глава 1

Задний двор коттеджа, расположенного на набережной Лауэр-Молл в Хаммерсмите, давно служил мастерской скульптора. Дюжина каменных фигур — и начатых, и уже почти законченных — лежала на трех платформах из кривого, узловатого соснового горбыля, настеленных на потрепанные временем козлы. Инструменты были развешаны на крючках в металлическом шкафчике у самой стены сада — резцы, долота, дрели, напильники, точила, здесь же хранились и принадлежности для шлифовки и полировки мрамора. Рабочая одежда художника, перемазанная красками и навсегда пропахшая скипидаром, валялась, словно негодный хлам, под сломанным, но еще годным в дело шезлонгом.

В этом саду ничто не отвлекало внимания мастера. Высокая стена укрывала его от любопытных соседей, отгораживала от назойливого, однообразного шума речного транспорта, от Грейт-Уэст-роуд и Хаммерсмит-бридж. Место для строительства дома на Лауэр-Молл и высота ограды были выверены с таким расчетом, что нарушить царившую во дворе глубокую тишину могли разве что пролетавшие над головой утки.

Однако в этой укромности имелся свой изъян: живописный речной ветерок никогда не проникал сюда, мельчайшая каменная крошка густым слоем ложилась и на прямоугольник маленькой, едва живой лужайки, и на

окружавшие газон малиновые желтофиоли, на квадратные плиты террасы, подоконники коттеджа и гребень его крыши. Сам скульптор был покрыт серым порошком с ног до головы, он облакал его, точно вторая кожа.

Кевина Уотли эта всепроникающая грязь совершенно не беспокоила. За столько-то лет он приспособился к ней, и если когда-нибудь его и раздражала необходимость работать в облаке пыли, Кевин перестал замечать эту помеху, как только оборудовал мастерскую в саду. Здесь его прибежище, здесь — приют творческих восторгов, и никаких особых удобств, а тем более опрятности тут не требуется. Когда Кевин откликнулся на призыв своей музыки, любые неудобства переставали существовать для него.

Вот и сейчас он весь погрузился в работу. Скульптура почти закончена, оставалось лишь отполировать ее хорошенько. Прекрасная получилась вещь: обнаженная мраморная красавица возлежала, уронив голову на подушку, повернувшись так, что правая нога почти полностью накрывала левую, изгиб бедра изящной дугой плавно спускался к колену. Кевин провел рукой по плечу и локтю статуи, затем по ягодицам, по бедрам — нет ли где шероховатостей. Гладкий мрамор скользил под его ладонью, точно холодный шелк. Кевин усмехнулся, довольный.

— Ну и похотливый же у тебя вид, муженек. Что-то не припомню, чтобы ты мне так ухмылялся!

Кевин распрямылся и с улыбкой посмотрел на свою жену. Пэтси вышла на порог, вытирая руки выцветшим посудным полотенцем. В уголках ее глаз притаилась смешинка.

— Иди ко мне, девочка! Ты попросту не обратила на меня внимания, когда я пытался приставать к тебе.

Пэтси Уотли только рукой махнула:

— Маньяк, вот ты кто!

Однако от мужа не укрылся радостный румянец, заливший ее щеки.

— Ах я маньяк? — переспросил он. — А сегодня-то утром? Разве не ты накинулась на меня спозаранку?

— Кевин!

Не выдержав, она расхохоталась. Кевин любовался ею, вбирая давно знакомые, дорогие ему черточки. Ничего не поделаешь: ей приходится тайком подкрашивать волосы, поддерживая иллюзию неувядающей молодости, но лицо и тело выдают зрелый возраст. Твердая линия подбородка и челюсти смягчилась, появились морщинки, аппетитные выпуклости ее груди и бедер уже не столь упруги...

— По лицу вижу, Кевин: ты что-то задумал. Что за мысли у тебя в голове?

— Грязные мыслишки, моя девочка. Они вгонят тебя в краску.

— Это все из-за твоих статуй. Любишься голыми дамочками в воскресенье утром. Это неприлично, да и все тут!

— Ты вызываешь у меня неприличные мысли, малышка, и с этим ничего не поделаешь. Иди сюда, не морочь мне голову. Я-то знаю, что тебе нравится, верно?

— С ума сошел! — пожаловалась Пэтси неведомо кому.

— Но тебе это по душе!

Широкими шагами Кевин пересек сад, схватил жену за плечи и крепко поцеловал.

— Господи, Кевин, ты весь в песке! — запротестовала Пэтси, вырываясь.

В волосах у нее осталась ленточка серой пудры, пыль пристала к одежде на груди. Отряхиваясь, она что-то ворчала про себя, но стоило ей взглянуть на весело ухмыляющегося мужа, лицо Пэтси смягчилось, и она пробормотала только:

— Совершенно сумасшедший. С детства такой.

Подмигнув ей напоследок, Кевин вернулся к козлам. Жена осталась стоять на крыльце, наблюдая за ним.

Из металлического шкафчика Кевин вытащил порошкообразную пемзу. Еще разок пройтись по всей статуе, и можно высекать на ней свое имя — работа готова. Смешав абразивную крошку с водой, скульптор щедро распределил смесь по всему телу мраморной красавицы и принялся полировать статую. Сначала он прошелся по ногам и животу, по стопам и груди, а потом с особой скрупулезностью занялся тонкими чертами лица.

Жена беспокойно переминалась с ноги на ногу, не покидая крыльца. Она то и дело оглядывалась на красные часы в жестяной оправе, висевшие над плитой.

— Пол-одиннадцатого, — напряженно проговорила она.

Она вроде бы обращалась к самой себе, но Кевин прекрасно понимал, о чем идет речь.

— Не суетись по-пустому, Пэтс, — окликнул он ее. — Я же вижу, ты уже места себе не находишь. Успокойся, а? Парень позвонит нам, как только сможет.

— Пол-одиннадцатого, — повторила она, не вникая его совету. — Мэтт сказал, к утренней службе они вернуться. Служба заканчивается самое позднее в десять. Сейчас половина одиннадцатого. Почему он до сих пор не позвонил?

— Мало ли дел. Распаковать вещи, посмотреть домашнее задание, обсудить с ребятами, как провели выходные. Позавтракать вместе со всеми. Извини, он не побежал сразу звонить мамочке. Объявится до часу, вот увидишь. Не о чем беспокоиться, крошка.

Кевин сам знал, насколько глупо советовать жене не тревожиться за сына, — с тем же успехом можно уговаривать Темзу, протекающую в трех шагах от их дома, не подниматься и не опускаться каждый день с приливом

и отливом. Все последние двенадцать с половиной лет Кевин то и дело просил жену не волноваться, да что толку — любая мелочь в жизни Мэтью заставляет ее нервничать: сумел ли он правильно подобрать одежду, чистые ли у него ботинки, не сделались ли коротки брюки, какие у него друзья, чем он увлекается. Она перечитывает каждое письмо из школы, пока не вызубрит его наизусть, а если связь с сыном прерывается на неделю, впадает в истерику, и вывести ее из подобного состояния может только Мэтью. Мальчик знает это и старается не причинять родителям лишних огорчений, а потому и в самом деле странно, что он забыл позвонить им, после того как съездил на выходные в Котсуолд, — однако свои сомнения Кевин предпочел утаить от жены.

«Такой уж возраст, — мысленно оправдывал он парня. — Начинается для нас нелегкая пора, Пэтс: мальчик растет».

Пэтси безошибочно угадала его мысли. Кевин пораился тому, что она может так легко их прочесть.

— Знаю, о чем ты думаешь. Мальчик стал уже совсем большим, ему неохота, чтобы мамочка все время суетилась вокруг. Наверное, ты прав.

— Значит... — начал было он.

— Значит, я подожду еще чуть-чуть, прежде чем звонить в школу.

Кевин понимал, что его жена решилась на большую жертву.

— Молодец! — похвалил он ее, в очередной раз возвращаясь к работе.

На целый час он с головой ушел в творческий процесс, наслаждаясь своим ремеслом, совершенно утратив чувство времени. Как обычно бывало с ним в такие минуты, Кевин не видел ничего вокруг, он ощущал лишь мрамор, оживавший под его умелыми руками.

Чтобы вернуть мужа из царства грез, куда его уводила муза, Пэтси пришлось окликнуть его дважды. Она вновь вышла на крыльцо, но вместо посудного полотенца Пэтси сжимала в руках черную пластиковую сумку. Она надела новые черные туфли и свой лучший костюм — синий шерстяной. Ослепительно сверкающая брошь из горного хрусталя кое-как воткнута в лацкан: хищная, приподнявшая для удара лапу львица с глазами из крохотных зеленых камушков.

— Он в изоляторе.

На последнем слове ее голос сорвался, она поддалась панике.

Кевин сморгнул — блик света, отраженный львиной брошью, ударил ему в глаза.

— В изоляторе? — переспросил он.

— Кевин, наш мальчик в изоляторе! Он провел там все выходные! Я только что звонила в школу. Он вовсе не ездил к Морантам. Он заболел! А мальчик Морантов даже не знает, в чем дело. В последний раз он видел Мэтта в пятницу за ланчем.

— Куда ты собралась, девочка? — строго спросил Кевин.

Он прекрасно понимал, какой ответ услышит, но выгадывал время, прикидывая аргументы, которые могли бы ее удержать.

— Наш мальчик болен! Бог знает что с ним могло случиться. Ты едешь со мной в школу или так и проведешь весь день, не отрывая рук от ее гладкой промежности?

Кевин поспешно убрал ладони с неудобноназываемой части своей скульптуры, обтер их о рабочие штаны. Еще две полосы белой абразивной смеси прибавились к лампам пыли и грязи, тянувшимся вдоль швов его джинсов.

— погоди, Пэтс, — попросил он. — Дай подумать.

— О чем тут думать? Мэтти болен. Он ждет маму.

— Ты уверена, дорогая?

Пэтси замерла, крепко сжимая губы, словно боялась сказать лишнее. Натруженные пальцы тербели застёжку дешевой сумки, то раскрывая ее, то защелкивая вновь. Издали Кевину показалось, что сумка совершенно пуста. Пэтси слишком спешила. Она не позаботилась прихватить с собой деньги, расческу, косметичку — вообще ничего.

Вытянув из кармана кусок старой тряпки, Кевин бережно обтер свою скульптуру.

— Подумай хорошенько, Пэт, — ласково настаивал он. — Разве мальчику понравится, если мама примчится в школу только оттого, что он подхватил грипп? Ведь ты же его в краску вгонишь, Пэтси, разве не так? Его дразнить будут: мамочка торчит в изоляторе, видно, ее мальчику нужно менять подгузники и никто, кроме нее, с этим не справится.

— Так, по-твоему, я должна сидеть дома сложа руки? — Пэтси воинственно взмахнула виниловой сумкой, бросая мужу вызов. — Вроде как меня и не волнует, что там с моим мальчиком, да?

— Не сиди сложа руки.

— И что же мне делать?

Кевин аккуратно, уголок к уголку, сложил тряпку.

— Давай обсудим. Что сказала медсестра? Чем он болен?

Пэтси потупилась. Кевин сразу же догадался, в чем дело, и тихонько рассмеялся.

— В школе всегда дежурит медсестра, но ты не догадалась ей позвонить, верно, Пэт? Мэтти ушиб пальчик, а его мамочка мчится сломя голову в Западный Суссекс, даже не сообразив сперва позвонить в амбулаторию и вы-

яснить, что же с ним случилось. Что бы ты без меня делала, девочка моя!

Пэтси жарко покраснелась от смущения, румянец, подымаясь с шеи, покрыл ее щеки.

— Сейчас позвоню.

Она постаралась выговорить эти слова с достоинством. Развернувшись, Пэтси удалилась на кухню, к телефону.

Стоя у приоткрытой двери, Кевин слышал, как она набирает номер, потом раздался ее голос, и почти сразу же она выпустила из рук трубку. Пэтси вскрикнула один только раз, пронзительным, испуганным голосом. Кевин едва распознал в этом вопле свое имя, горестный призыв. Отшвырнув от себя рваную тряпку, он бросился в дом.

Ему померещилось сначала, что у жены начался сердечный приступ: лицо ее посерело, она крепко прижимала к губам сжатую в кулак руку, словно сдерживая крик боли. Услышав шаги мужа, она резко повернулась к нему. Зрачки у нее расширились, глаза Пэтси казались совершенно безумными.

— Его там нет! Кевин, Мэтта там нет! Его не было в изоляторе, и в школе тоже нет!

Кевин попытался осознать, какой ужас стоит за ее словами, но смог лишь беспомощно повторить их:

— Мэтти нет в школе?

Пэтси оцепенела, ее тело не повиновалось ей.

— С пятницы.

Огромный промежуток времени с пятницы до воскресенья! Немыслимые образы теснились в ее мозгу — те призраки, что преследуют любую мать при вести об исчезновении любимого чада. Похитители, насильники, религиозная секта, работоторговцы, садисты, убийцы — кто стоит за этим? Пэтси пошатнулась, задыхаясь, лицо ее покрылось испариной.

Кевин испугался, что жена потеряет сознание или ее сердце не выдержит. Он обхватил ее за плечи, пытаясь утешить единственным доступным ему способом.

— Мы сейчас же едем в школу, крошка, — решительно произнес он. — Мы найдем нашего мальчика, обещаю. Мы едем немедленно.

— Мэтти!

Имя звучало как заклинание.

«Нечего взывать к богам, — уговаривал себя Кевин. — Мальчишка прогуливает школу, только и всего. Найдется разумное объяснение его отсутствию, мы еще посмеемся над этим переполохом». Но тело Пэтси в его объятиях сотрясала крупная дрожь. Она вновь и вновь, словно молитву, повторяла имя сына, и, вопреки собственным доводам, Кевин в глубине души присоединился к ней в надежде, что ее мольбы будут услышаны.

Сержант уголовной полиции Барбара Хейверс в последний раз пролиставала свой отчет и сочла, что за выходные сделано вполне достаточно. Вонзив в пятнадцать до смерти надоевших ей страниц скрепку, Барбара рывком отодвинула стул от стола и отправилась на поиски старшего напарника — инспектора Томаса Линли.

Он сидел один в своем кабинете, все в той же позе, словно не двигался с полудня: светловолосая голова оперта на руку, взгляд устремлен на разложенные по столу листы — его часть отчета. Вечернее воскресное солнце клонилось к закату, на стены и пол ложились длинные тени. Едва ли при таком освещении инспектор Линли мог разобрать машинопись, тем более что его очки сдвинулись на самый кончик носа. Барбара вошла в комнату на цыпочках, полагая, что ее начальник спит.

Это было бы неудивительно: в последние два месяца Линли жег свечу не только с обоих концов, как говорит

пословица, но и посередине. Он прямо-таки не вылезал из Скотленд-Ярда, к неудовольствию Барбары, ведь и ей приходилось просиживать сверхурочно. Коллеги уже присвоили Линли прозвище Мистер Круглые Сутки.

— Шел бы ты домой, дружок, — уговаривал его Макферсон, встречая в коридоре, на инструктаже или в столовой. — А то по сравнению с тобой мы выглядим сущими бездельниками. В суперинтенданты, что ли, метишь? Знаешь, покойнику вакансия ни к чему.

Линли, как всегда, дружелюбно смеялся, не признаваясь, в чем причина такого усердия, но Барбара прекрасно знала, почему инспектор остается на работе в долгие ночные часы, почему он берет на себя дежурство не в очередь и по первой просьбе подменяет всех коллег. Вот она, эта причина, — одинокая открытка на краю стола. Барбара бесцеремонно подобрала ее.

Это послание пришло пять дней тому назад. Долгий путь через всю Европу, с побережья Ионийского моря, обтрепал углы открытки с изображением религиозной процессии: впереди шли дьяконы с кадилами, затем какие-то персоны с жезлами в руках и, наконец, одетые в раззолоченные мантии греческие священники. На плечах они несли отделанный драгоценностями паланкин, боковины которого были изготовлены из стекла. В носилках, прислонившись окутанной в саван головой к окну, возлежал святой Спиридон — в столь естественной позе, будто он всего лишь задремал, а не заснул вечным сном более тысячи лет назад. Перевернув открытку, Барбара без ложного стыда прочла текст. Собственно, она могла заранее угадать содержание:

«Дорогой Томми, только подумать, эти несчастные мощи таскают по улицам Корфу четыре раза в год! Стоит ли ради этого становиться святым, а? Тебе

будет приятно узнать, что я выполняю культурную программу, посетила храм Юпитера в Кассиопее. Настоящее паломничество — как у Чосера. Ты меня одобряешь?»

Барбара помнила, что леди Хелен Клайд за два месяца прислала Линли десяток таких весточек. Все они почти дублировали друг друга: занятный, в дружеском тоне рассказ о той или иной детали ее путешествия. Леди Хелен беззаботно разъезжала по Греции, и не предвиделось конца ее экскурсии, начавшейся в январе, вскоре после того, как Линли предложил ей руку и сердце. Леди Хелен отвечала решительным отказом, и эти открытки, приходившие на адрес Скотленд-Ярда, а не домой в Итон-террас, только подчеркивали ее решимость не вступать в более близкие отношения с Линли.

Линли все время, ежедневно, ежечасно, неотступно думал о Хелен, он любил ее, он хотел ее со свойственной ему упорной, почти маниакальной сосредоточенностью. Барбара прекрасно знала: именно по этой, не высказываемой вслух причине инспектор, не протестуя, взваливает на себя одно задание за другим, лишь бы не слышать воющих псов одиночества, лишь бы приглушить боль разлуки с Хелен, не замечать набухающий в душе, будто злокачественная опухоль, тугой узел отчаяния.

Барбара положила открытку на место, отступила на шаг и натренированным движением послала свой отчет точно в корзину для входящих документов. Струйка свежего воздуха пронеслась над столом инспектора, его собственные документы с шуршанием полетели на пол, и он очнулся. Линли смущенно улыбнулся — что поделать, заснул на своем посту! — провел рукой по затылку и шее и снял с носа очки.

Барбара с размаху хлопнулась на соседний стул, вздохнула и так энергично прошлась рукой по коротенькой стрижке, что волосы у нее встали дыбом, точно щетина.

Она попыталась заговорить с шотландским акцентом:

— Ну, парниша, не слышать шотландских колокольчиков?

— Каких еще колокольчиков, Хейверс? — пробормотал он, подавляя зевок.

— наших славных старых колокольчиков, что зовут тебя домой в страну ячменного виски. О, этот жидкий огонь во рту, жидкий огонь, припахивающий дымом...

Линли распрямился и принялся перебирать бумаги на столе.

— Шотландия! — проворчал он. — Полагаю, на сентиментальные рассуждения о стране чертополоха вас навело желание принять воскресную дозу спиртного, верно, сержант?

Рассмеявшись, она оставила в покое наречие Роберта Бернса.

— Заглянем в «Герб короля», инспектор. Вы поставите мне порцию «Макаллана», и мы споем на пару «Бредущие во ржи». Вы же не захотите пропустить такое, инспектор. Мое меццо-сопрано непременно вызовет слезы на ваших прекрасных карих очах.

Линли протер очки и, снова водрузив их на нос, уткнулся в принесенный Барбарой отчет.

— Польщен вашим приглашением, Барбара, честное слово, польщен. Послушать ваши завывания — что может быть прекраснее. Но нет ли сегодня на службе кого-нибудь, в чей кошелек вы не запускаете лапу столь регулярно, как в мой бумажник? Как насчет констебля Нкаты? По-моему, я недавно видел его поблизости.

— Уехал по вызову.

— Очень жаль. Не повезло вам, Барбара. Я обещал Уэбберли, что к утру отчет будет готов.

Барбара едва не сдалась. Линли сумел отвергнуть ее приглашение даже более ловко и умело, чем ей удалось его сформулировать. Но кое-какое оружие в запасе еще оставалось.

— Вы обещали Уэбберли подготовить отчет к утру, но мы оба прекрасно знаем, что он еще неделю никому не понадобится. Полно, инспектор. Вернитесь наконец к реальности.

— Хейверс!

Линли не пошевелился, даже не оторвал глаз от своих бумаг, только в изменившейся интонации Барбара уловила предостережение, попытку установить дистанцию, напомнить ей, кто тут начальник. Барбара достаточно долго проработала с ним и хорошо знала, в каких случаях Линли подчеркнута официально произносит ее имя. Она перешла все границы, проникла в запретную зону. Дальше он не желает ее пропускать.

Так-то вот, вздохнула она, отступая. И все же, покидая чужие территориальные воды, Барбара не удержалась и, резким движением подбородка указав на почтовую открытку, выпустила напоследок самый мощный заряд:

— Наша Хелен не очень-то вас балует, верно, сэр?

Линли вскинул голову, уронив отчет. Только пронзительный звонок служебного телефона спас Барбару от разноса.

В трубке раздавался голос одной из девиц, дежуривших в мрачной, серо-черного мрамора приемной Скотленд-Ярда. Не здороваясь, насморочный голос поведал, что внизу находится посетитель, звать Джон Корнтел, спрашивает инспектора Ашертона. Полагаю, это и есть вы? Некоторые люди вечно путают чужие имена, особен-

но когда этих имен такое количество, словно у какого-нибудь принца, а мы тут, внизу, должны все помнить и разбираться, что к чему, когда вашим старым приятелям вздумается вас навестить...

— Корнтел? — переспросил Линли, прерывая неиссякаемый поток жалоб. — Сейчас сержант Хейверс спустится за ним.

Прежде чем он положил трубку, телефонная мученица попросила уточнить, как он собирается именовать себя на будущей неделе — Линли, Ашертоном или где-то на чердаке пылится еще парочка семейных титулов, которые ему вздумается обновить? Хейверс, не дожидаясь указаний инспектора, уже вышла из его кабинета, направившись к лифту.

Линли поглядел ей вслед: шерстяные брюки плохо сидят на коренастой фигуре, к локтю заношенного до дыр свитера прилип, словно моль, обрывок бумаги. Сейчас она приведет Корнтела, давно забытый призрак из прошлой жизни.

В Итоне они приятельствовали. Корнтел получал Королевскую стипендию, принадлежал к элите. Один из лидеров старшего класса, высокий, задумчивый, всегда меланхоличный. Рыжие волосы, аристократические черты лица, вдохновенного, точно у Наполеона на романтических портретах Антуана Жана Гро. В соответствии со своей наружностью Корнтел выбрал в качестве основных предметов литературу, музыку и искусство. Линли понятия не имел, что случилось с Джоном Корнтелом после окончания Итона.

Но человек, вошедший вскоре в его кабинет, следуя по пятам за сержантом Хейверс, имел удивительно мало общего с тем образом, что запечатлелся в памяти Линли и составлял как бы часть его собственного прошлого. Только рост оставался прежним — шесть футов и два дюйма,

в точности как у самого Линли. Но когда-то эта высокая фигура горделиво распрямлялась в окружении соучеников — уверенный в себе, многообещающий студент престижнейшей школы, — а теперь плечи ссутулились, будто Джон побаивался соприкосновения с внешним миром.

Этим перемены не ограничились. Корнтел коротко остриг волосы. Прежде они вились, сейчас же плотно прилегали к черепу, и в них мелькала ранняя седина. Прекрасно вылепленное лицо, запомнившееся Линли не только тонкостью черт и здоровым румянцем, но и особой печатью мощного интеллекта и глубокой эмоциональности, теперь покрылось больничной бледностью, кожа на нем натянулась, темные глаза налились кровью.

Отчего Корнтел так изменился за эти семнадцать лет? Тому должно быть какое-то объяснение: человек не теряет свой изначальный облик без существенной на то причины. Внутри Джона Корнтела будто затаилась болезнь, то ли спалившая, то ли оледенившая его; и вот этот недуг, уничтожив внутренний мир человека, прорывается наружу, истребляя остатки его красоты.

— Линли? Ашертон? Я не знал, каким именем ты пользуешься.

Корнтел говорил почтительно, но его любезность казалась вымученной, словно он заранее отрепетировал это приветствие. Он протянул Линли руку. Рука была болезненно горячей.

— Я вообще-то не пользуюсь титулом. Линли, и все тут.

— Титул неплохая вещь. В школе мы звали тебя Виконт Шаткость. А собственно, почему? Я уж забыл.

Линли тоже предпочел бы не вспоминать об этом. Этот разговор затрагивал запретные уголки его души. Но что поделать.

— Виконт Шат-Несс.

— Ах да. Твой второй титул. Здорово все-таки быть сыном графа, правда?

— Не уверен.

— Ну-ну.

Корнтел беспокойно обшаривал взглядом комнату — стеллажи, полки с книгами, беспорядок на столе, два офорта с видами американского Запада. Наконец он обратил внимание на фотографию. Сейчас скажет что-нибудь по этому поводу. Саймон Олкотт Сент-Джеймс учился в Итоне вместе с Линли и Корнтелом. Этой фотографии уже тринадцать лет, Корнтел не может не узнать полное радости лицо и растрепанные волосы этого игрока в крикет: юноша, застывший в момент своего торжества, излучающий чистое, бездумное веселье молодости, брюки перемазаны и разорваны, рукава свитера высоко закатаны, на обнаженном локте тоже грязь — он опирается на битую, хохоча от восторга. Три года спустя авария, виновником которой был Линли, превратила Саймона в калеку.

— Сент-Джеймс, — проговорил Корнтел, кивнув. — Сто лет не вспоминал о нем. Господи, время как летит.

— Верно, — отозвался Линли, все так же пристально всматриваясь в бывшего соученика, подмечая, как быстро угасает на его лице мимолетная улыбка, как ладони то проникают внутрь карманов куртки, то охлопывают их сверху, вероятно в поисках какой-то забытой дома мелочи.

Хейверс включила свет, разгоняя вечерний сумрак, и вопросительно поглядела на Линли. «Мне идти или оставаться?» — спрашивала она взглядом. Линли кивком указал ей на стул. Барбара, усевшись, извлекла из кармана пачку сигарет, вытащила из нее сразу две штуки.

— Хотите? — протянула она одну Корнтелу. — Наш инспектор завязал — черт бы побрал его благочестивые

намерения беречь окружающую среду, — а мне одной курить противно.

Корнтел с некоторым удивлением покосился на Барбару, но сигарету взял и в свою очередь вытащил зажигалку.

— Да, спасибо, спасибо, — пробормотал он, взглянул на Линли и поспешно отвел глаза. Правой рукой он катал сигарету по ладони левой, безжалостно теребя зубами нижнюю губу. — Я к тебе за помощью, Томми! — вырвалось наконец у него. — Сделай что-нибудь, умоляю! Я попал в беду.

Глава 2

— У нас в школе пропал ученик. Из моего пансиона. Вся ответственность ложится на меня. Господи, если с ним что-то случилось...

Корнтел говорил отрывисто, глубоко затягиваясь дымом между короткими фразами. Он — старший преподаватель английского языка и глава одного из общежитий в Бредгар-Чамберс, частной школе, ютящейся на небольшом клочке земли в Западном Суссексе, между Кроули и Хоршемом, в часе езды от Лондона. Мальчику тринадцать лет, он учится в третьем классе, то есть он только в этом году поступил в школу, до того учился в Хаммерсмите. По-видимому, мальчик тщательно продумал план, чтобы ускользнуть от надзора старших на все выходные, но потом что-то не заладилось, он так и не вернулся в школу — пропал неизвестно куда и отсутствует вот уже более двух суток.

— Наверное, он решил сбежать из школы. — Корнтел устало потер глаза. — Томми, мне следовало обратить на него внимание, ведь его что-то тревожило, а я не заметил. Я должен был знать, это входит в мои обязанности. Если мальчик задумал сбежать, значит, его что-то мучило все эти месяцы, а я ни о чем не догадывался... Боже всемогущий, родители примчались в истерике, в школе вдобавок был в это время один из попечителей, а директор

весь день сидит с родителями, отговаривает их обращаться в местное отделение полиции, пытается как-то успокоить, велел расспросить всех, выяснить, кто последним видел мальчика, а главное, почему, почему он сбежал, никому не сказав ни слова. Я понятия не имею, что сказать родителям, какое оправдание найти, чем их утешить, где искать выход. — Корнтел быстро провел рукой по остриженным волосам и безуспешно попытался выдавить из себя улыбку. — Даже не знаю, к кому мне бежать за помощью. Вспомнил вот про тебя. Словно глас Божий. Мы же с тобой вместе в Итоне учились, дружили, верно? Иисусе, я болтаю без всякого толка. Не могу собраться с мыслями.

— Надо вызвать полицию Западного Суссекса, — посоветовал Линли, — если вообще есть нужда вызывать полицейских. Почему не позвонили в полицию, Джон?

— «Добровольцы Бредгара» — дурацкое название для отряда бойскаутов, а? — прочесывают все вокруг, надеются, что далеко он не ушел, а может, с ним приключилась беда, прежде чем он успел далеко уйти от школы. Директор не хотел извещать полицию. Но я поговорил с ним, сказал, у меня есть связи в Скотленд-Ярде.

Линли без труда угадывал состояние Корнтела. Конечно, он беспокоился за мальчика, но, помимо прочего, его работа, а то и вообще вся карьера зависела от того, как быстро найдут мальчика и что с ним случилось. Ничего страшного, если ребенок соскучился по дому и попытался самостоятельно добраться до родителей или до старых друзей — при условии, что его найдут быстро и недалеко от школы. Но похоже, положение осложнилось. Корнтел путался в деталях, однако картина вырисовывалась мрачная: школьника последний раз видели в пятницу днем, а с тех пор никто не интересовался его местопребыванием. За это время он мог отправиться куда угодно. Да, про-

фессиональная карьера Корнтела висит на волоске. Разумеется, он постарался уверить директора, что сумеет разрешить эту проблему быстро, деликатно и без посторонней помощи.

К несчастью, Линли не мог принять в этом участие. Скотленд-Ярд не берется за подобные дела, не вмешивается в юрисдикцию местной полиции, пока не получит официальный запрос из графства. Корнтел только даром потратил время на поездку в столицу. Ему придется побыстрее вернуться домой и как можно скорее известить надлежащие инстанции.

В этом Линли и старался убедить старого приятеля, попутно вытягивая у него все новые факты и используя их для того, чтобы подвести Корнтела к очевидному выводу: придется подключить полицию Западного Суссекса.

— Что именно произошло? — настаивал он.

Сержант Хейверс, едва услышав этот вопрос, привычным жестом взялась за лежавший на столе Линли блокнот с отрывными листками на спиральке и принялась опытной рукой записывать вопросы и ответы. Дым, поднимающийся от сигареты, заставил ее прищуриться, вызвал кашель. Барбара загасила окурочок о подметку своего ботинка и растоптала.

— Мальчик — Мэтью Уотли — получил отпуск на выходные. Он собирался поехать к другому ученику, Гарри Моранту. У Морантов есть загородный дом в Лауэр-Слотер, они созвали гостей, чтобы отпраздновать день рождения Гарри. Пятеро мальчиков, шестеро, если считать самого Гарри. Родители всех ребят дали свое разрешение. Все было оформлено по правилам. Мэтью ехал с ними.

— А кто такие Моранты?

— Известное семейство. Трое старших сыновей окончили Бредгар-Чамберс. Дочь сейчас в младшем шестом

классе. Мы принимаем девочек на последние два года, — без особой надобности пояснил Корнтел. — В младший и старший шестой классы. Полагаю, Мэтью струхнул именно из-за этого — то есть, я хочу сказать, из-за семьи Морантов, а не из-за того, что мы берем в школу девочек...

— Я тебя не понимаю. Что не так с этим семейством?

Корнтел заерзал в кресле, бросил смущенный взгляд на Барбару. Непроизвольное движение его глаз подсказало Линли, каков будет ответ. Корнтел натренированным слухом различал пролетарский выговор Барбары. Если он считает, что семейство Морантов могло напугать Мэтью — известное семейство, как сказал сам Корнтел, — стало быть, мальчик, как и Барбара, принадлежал к совсем иному социальному слою.

— Думаю, Мэтью струхнул, — повторил свою мысль Корнтел. — Мальчик из муниципальной школы, первый год в частном заведении. Раньше он ходил в общеобразовательную школу, жил всегда с родителями, а теперь общается совсем с другими людьми. Нужно время, чтобы к этому привыкнуть. Не так-то легко приспособиться. — Корнтел подался вперед, вытянул руки с раскрытыми ладонями, жестом умоляя о понимании и сочувствии. — Ты же знаешь, о чем я говорю.

Барбара вздернула голову, ее глаза негодуя сузились — она догадывалась, на что намекает Джон Корнтел. Линли прекрасно знал, что для сержанта Хейверс принадлежность к низшему классу является чем-то вроде рыцарского звания.

— Но ведь Мэтью не поехал с ребятами в пятницу днем? Они же договаривались где-то встретиться, чтобы вместе отправиться в гости на выходные. Неужели их не удивило его отсутствие? Почему они не доложили тебе?

— Они думали, что он болен. В пятницу мы проводили футбольный матч, а после этого мальчики должны были уехать в Лауэр-Слотер. Все они — члены одной команды. Мэтью не явился на игру, но никто ничего не заподозрил, потому что тренер — Коуфри Питт, один из наших учителей — получил из амбулатории записку: дескать, Мэтью заболел и не сможет принять участие в матче. Естественно, мальчики решили, что он и на выходные не смог поехать. Это было вполне логично.

— Как выглядела эта записка?

— Освобождение от спортивных занятий. Стандартный бланк с вписанным от руки именем Мэтью. По правде сказать, я уверен: Мэтью спланировал все заранее. Он попросил у родителей разрешение отлучиться из школы на выходные под предлогом, что поедет к Морантам, а сам припас бюллетень, чтобы ребята считали, будто он лежит в больнице. Однако бюллетень-то был ненастоящий, так что я думал, что Мэтью уехал к Морантам, а Моранты полагали, что он остался в школе. Он получил в свое распоряжение полностью все выходные. Этого-то он и добивался, малолетний разбойник!

— И ты не проверял, где он находится?

Наклонившись вперед, Корнтел раздавил в пепельнице окуроч. Рука у него сорвалась, он рассыпал пепел по всему столу.

— Я думал, что знаю, где он находится. Он должен был поехать к Морантам.

— А тренер, Коуфри Питт, — почему он не доложил тебе, что мальчик в изоляторе?

— Коуфри рассчитывал, что меня известит медсестра. Это входит в ее обязанности. Если б мне сообщили, что Мэтью заболел, я бы непременно навестил его. Разумеется, я бы тут же поспешил к нему.

Что-то он слишком настаивает на своей непричастности. С каждым предложением его голос звучит все напряженнее.

— В пансионе ведь есть и староста, верно? Чем он занимался в выходные? Он был в школе?

— Староста? Да, Брайан Бирн. Ученик выпускного класса. Префект. Почти все старшеклассники разъехались на выходные по домам, кроме тех, кто отправился на север на товарищеский матч по хоккею, но Брайан как раз оставался в школе, в пансионе. Но ведь он тоже считал, что Мэтью у Морантов. Он ничего не перепроверял, как и я. С какой стати? Если кому и следовало уточнять местопребывание Мэтью, так это мне, а не Брайану. Я не собираюсь возлагать ответственность на префекта. Ни в коем случае.

Эта декларация Корнтела тоже звучала чересчур патетично, как и предшествовавший ей монолог. Похоже, теперь он испытывал потребность взять всю вину на себя. Линли знал, какая причина побуждает человека винить себя: Корнтел, несомненно, допустил какой-то существенный промах.

— Он знал, что Моранты люди другого круга, а он не их поля ягода. Он не отважился поехать к ним, — вернулся к прежнему утверждению Корнтел.

— Не слишком ли ты в этом уверен?

— Он получил стипендию попечительского совета. Родители за его обучение заплатить не смогли бы. — Похоже, с точки зрения Корнтела, этим объяснялось все, но он счел необходимым прибавить: — Хороший мальчик. Труженик.

— Другие ребята его любили? — Корнтел замешкался с ответом, и Линли пришел ему на помощь: — В конце концов, его же пригласили в гости на день рождения. По-видимому, у него имелись друзья.

— Да-да, конечно же. Просто... Ты сам видишь, я не справился со своими обязанностями по отношению к этому мальчику. Я просто ничего о нем не знаю. Такой тихий. Все время сидел над заданиями. Все у него было в порядке, никогда ни на что не жаловался. Родители обрадовались, что его позвали в гости. Отец так и сказал, подписывая разрешение: «Пусть Мэтти возвращается в обществе». Они его звали Мэтти.

— Где сейчас его родители?

Лицо Корнтела жалобно сморщилось.

— Не знаю. Не знаю! В школе, должно быть. Или вернулись домой, ждут вестей. А если директор так и не отговорил их, кинулись в полицию.

— Бредгар-Чамберс поддерживает связь с местной полицией?

— В ближайшей деревне, в Киссбери, есть констебль, а вообще-то мы состоим под юрисдикцией Хоршема. — Корнтел угрюмо усмехнулся. — Теперь ты скажешь, что это их дело.

— Боюсь, что так. Их, а не мое.

Корнтел только еще сильнее ссутулился:

— Ну хоть что-нибудь ты можешь сделать, Томми? Привести механизм в движение?

— Со всей деликатностью?

— Вот именно. Да, конечно, я прошу тебя об одолжении. Знаю-знаю, я не имел права обращаться в Скотленд-Ярд. Но, бога ради, Томми, мы же оба кончали Итон!

Корнтел взывал к его лояльности, к памяти прежних дней. Человек должен быть верен своему прошлому, бывшим друзьям. Как бы Линли хотел безжалостно оборвать его! Он — полицейский, он не допускает нарушения заведенных правил. Но мальчик, когда-то ходивший в один класс с Корнтелом, так и не умер, хотя Линли безжалост-

но боролся с ним. И теперь он против собственной воли задал очередной вопрос:

— Если Мэтью сбежал из школы, ему понадобился какой-то транспорт, чтобы добраться до Лондона, верно? Далеко ли от вас железнодорожная станция? Дорога, шоссе?

Корнтел принял этот вопрос как обещание поддержки и заговорил с готовностью, стараясь всячески быть полезным:

— У нас нет рядом дорог, Томми, потому-то родителям так нравится наша школа — изоляция гарантирует детям безопасность. Они никогда не попадут в беду, их ничто не отвлекает от учебы. Мэтью пришлось бы попотеть, чтобы убраться подальше от школы. Он не мог ловить попутку рядом с Бредгар-Чамберс, потому что на дороге он почти наверняка наткнулся бы на кого-нибудь из персонала — на учителя, тренера, хотя бы на рабочего или уборщика, и его бы тут же отвели назад в школу.

— Значит, ему пришлось пробираться стороной от дороги?

— Думаю, что да. Он мог пойти напрямик через поля, потом через лес Сент-Лионард добраться до Кроули и шоссе Эм-двадцать три. Там ему ничего не грозило: подумаешь, обычный парнишка, каких всюду полно. Никому бы и в голову не пришло, что он сбежал из Бредгар-Чамберс.

— Лес Сент-Лионард, — задумчиво повторил Линли. — Скорее всего, он и сейчас там, не так ли? Заблудился, изголодался...

— Две ночи под открытым небом в середине марта. Замерз. Умирает с голоду. Сломал ногу. Упал. Может быть, шею себе сломал, — горестно подхватил Корнтел.

— Ну, с голоду он за три дня не умрет, — возразил Линли, предпочитая не признавать, сколь вероятны все